

14.09.93
9
143

143

Куранты. — 1993. — 17 сент. — с. 9.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

УХОД ТОЛСТОГО

"Уход Толстого"; "Толстой ушел из Ясной Поляны"... Когда осенью 1910 года эти слова впервые появились в заголовках газет, они тотчас получили особый оттенок — тревожный и роковой. Не уехал, а ушел, то есть что-то бросил, с чем-то порвал, сделал шаг, важный не только для него, но и для человечества.

Газетные телеграммы, поначалу неясные, противоречивые, волновали воображение. Ушел — неизвестно куда, затерялся в пространстве, скрылся в ненастной ночи. Потом стали вырисовываться, точно проступать из тумана, отрывочные подробности: Софья Андреевна, Чертков, их соперничество, завешивание. Все понимали, что у этого ухода есть какие-то конкретные поводы, что Толстой приведен в действие механизмом каких-то вполне житейских событий — и, конечно, хотели знать эти поводы, вникнуть в события. Но в то же время угадывалось и чувствовалось, что внутренний смысл того, что произошло, перерастает значение и силу всех поводов, что теперь должны наступить события, в которых решится нечто гораздо более важное, чем все янополянские распри, вместе взятые.

Слово, вдруг получившее такой важный и роковой смысл для всей России, пошло из самой Ясной Поляны. Но там вкладывался в него смысл несравненно более обыкновенный, почти банальный. Там говорили и думали о возможном уходе Льва Николаевича от Софьи Андреевны почти совершенно так, как вообще принято думать и говорить, что такой-то муж ушел от своей жены или такая-то жена ушла от своего мужа. И там привыкли произносить это слово (вслух или про себя) весьма задолго до той ненастной осенней ночи, когда оно стало делом. Уже летом 1884 года, в одном из своих дневников, которые с таким бесстыдством читались чуть ли не всеми желающими, Толстой записал: "Ужасно тяжело было... Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миновать". С той поры возможность разрыва уже постоянно висела в воздухе Ясной Поляны в течение целых двадцати шести лет. Можно сказать, что с ней там не только считались, но и привыкли к ней. Отношения между Толстым и его женой то сменялись, то обострялись вновь, порой напрягаясь до крайности — так было, например, в июне 1897 г., когда Толстой даже написал Софье Андреевне прощальное письмо — и остался. Однако замечательно, что сам он, видимо, не особенно верил в реальную возможность своего ухода, потому что, запечатывая конверт, надписал на нем: "Если не будет особого от меня об этом письме решения, то передать его после моей смерти С. А." Если так писал, то, значит, думал, что вряд ли ее покинет когда-нибудь.

И вот, все-таки, после двадцати шести лет непрерывных страданий и колебаний однажды чаша его терпения переполнилась — он встал ночью, велел запереть, поплотнее прикрыл дверь женой спальни, чтобы она не слышала, — и покинул дом навсегда. Чем же был вызван уход и почему на этот раз Толстой не выдержал?

Основная причина расхождения между Толстым и его женой не возбуждает, кажется, разногласий: она заключалась в том, что Софья Андреевна, не разделяя воззрений, к которым постепенно пришел Толстой за время супружеской жизни, не могла и не хотела подчинить себя и весь семейный уклад этим воззрениям. Отсюда возникал ряд частых конфликтов по множеству самых разнообраз-

ных поводов. Не надо быть врагом толстовского учения для того, чтобы признать, что Софья Андреевна была во многом права. Она выходила замуж не за Толстого, каким он стал впоследствии, и, следовательно, не обязана была перестраивать свою жизнь в соответствии с происшедшей в нем переменой. Еще меньше можно ее винить в том, что она не пожелала лицемерно, по наружности только, принять толстовское учение, внутренне ему не сочувствуя. Точно так же не надо быть толстовцем для того, чтобы понять, до какой степени Толстому невыносима была та жизнь, которую, вопреки выстраданным убеждениям, приходилось ему вести подле Софьи Андреевны. Ничто не раз-

Потому-то он и не уходил, прощая Софье Андреевне бесчисленные вину перед ним самим, перед его друзьями, перед всем, что было для него свято и дорого.

<...> Я хочу сказать: не было ничего такого, что давало бы ему основания отступить от нее, навсегда отказаться от мысли "обратить" ее. Толстой сбрасывал со своих плеч тот крест, который нести он почитал своим нравственным и религиозным долгом. И если Толстой все же ушел, то, значит, было еще что-то, освобождавшее его от обязанности по отношению к ней и в то же время заставлявшее по-иному понять свой долг по отношению к самому себе. Что же это было?

Когда Александра Львовна Толстая приехала к "ушедше-

ной, она лишь правдиво описывала симптомы ее болезни — истерии. Борьба Софьи Андреевны с Толстым (особенно под конец) объясняется не только ее несочувствием его учению, ревностью к Черткову и другим, заботами о материальном положении семьи, но еще и тем, что она не могла противостоять болезненному и страстному желанию унижить или убить в нем самую душу его, не только то, что делало его всемирно знаменитым Львом Толстым, но и то, что вообще составляло его человеческую личность. К уходу, к бегству его принудил инстинкт духовного самосохранения. "Возвратиться к тебе, когда ты в таком состоянии, значило бы для меня отказаться от жизни, — писал он ей, — а я не считаю себя

что они меня приняли бы?.. Ты забыла, что я отлучен."

Не надо преувеличивать значение этой записки, но и не надо преуменьшать. По тому, что в ней содержится, невозможно еще судить о том, как развернулись бы дальнейшие события, но в ней зафиксировано много в высшей степени важного и значительного. Во-первых, в ней засвидетельствовано впечатление, произведенное на Толстого Оптиным; во-вторых, зародившаяся в нем мысль там остаться — пусть даже при условии не ходить в церковь. Но этого мало. Многозначительно в высшей степени, что, когда сестра сказала Толстому об отказе от проповеди толстовства, как об условии пребывания в Оптиной, Толстой ничего ей не возра-

тием: возвращением Толстого в Церковь. Это событие прошло бы далеко не бесследно не только для него самого, но и для всей России, для всей ее религиозной, умственной, а может быть, и политической жизни. Но все было сорвано и затоптано в самом начале. Последнему решению Толстого не суждено было дозреть.

<...> Он умирал в безвестном пространстве, на безвестной станции Астапово. В самый канун его смерти туда приехал о. Варсонофий, старец из Оптиной пустыни, в сопровождении другого старца. Впоследствии был пущен язвительный слух о том, будто этот приезд состоялся "по приказу из Петербурга". В воздухе того времени это звучало так же, как если бы было сказано прямо: "по приказанию департамента полиции". Слух утвердился, слишком многие приняли его на веру, не требуя доказательств, которых, конечно, ни у кого не было.

Это была ложь. По прибытии в Астапово о. Варсонофий просил допустить его к Толстому, получил отказ и написал Александре Львовне Толстой письмо, которое она полностью привела в своих воспоминаниях. О. Варсонофий писал, между прочим: "Почтительно благодарю ваше сиятельство за письмо Ваше, в котором пишете, что воля родителя Вашего для Вас и для всей семьи Вашей поставляется на первом плане. Но Вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а Вашей тетушке, монашине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами". Эта ссылка на мать Марию имеет решающее значение. Если бы Толстой не выражал желания видеть старцев, мать Мария не сказала бы об этом о. Варсонофию, а о. Варсонофий не мог бы ссылаться на нее, если бы она в действительности ему этого не говорила.

А. Л. Толстая не допустила старцев к умирающему отцу. Винить ее в этом мы не имеем права, она заботилась лишь о том, чтобы продлить последние минуты толстовской жизни, а беседа со старцами, даже самая встреча, самое появление их, должны были возновить Толстого глубочайшим образом.

Мы не знаем, чем кончилось бы это свидание, если бы оно состоялось. Мы можем судить лишь о том, что было, и лишь едва осмеливаемся предполагать то, что могло быть. Но Судья, которому все открыто, судил Льва Толстого, взвешивая не на то, что было, не на то, что произошло изволением людей, но по тому единственно, что было бы, если бы состоялось последнее общение Толстого с Церковью.

Этого суда мы не знаем. На снимке: Л. Н. Толстой с дочерью Александрой. Ясная Поляна. 1908 год.

мертного ухода писателя из Ясной Поляны, строго следуя фактам, Ходасевич не ставит все точки над "i". Ведь судьбоносные повороты в жизни великих писателей, пожалуй, навсегда оставляют на себе печать неразгаданности и не могут быть исчерпывающе осмыслены обычными причинно-следственными рассуждениями.

Публикуемая статья знатока русской литературы, написанная почти 60 лет назад, выступает живым укором некоторым сегодняшним интерпретаторам, призывающим Православную церковь снять с Л. Н. Толстого отлучение или, наоборот, утверждающим, что Льва Толстого "отлучили от церкви справедливо".

Убежден, что драма великого писателя ныне в сих партийных перепалках не нуждается, ибо есть вечные вопросы, которые не уложатся в прокрустово ложе банальных ответов.

Обратимся же к живому слову поэта о писателе, 165 лет со дня рождения которого отмечается в эти дни.

Евгений БЕНЬ,
ведущий рубрики
"Наследие России".

Не будет преувеличением сказать, что Владислав Ходасевич в конце 1920-х — 1930-е годы воссоздал на страницах парижских газет "Возрождение" и журнала "Современные записки" свой многогранный образ классической русской литературы.

Ходасевич, историк литературы, неизменно следовал эстетическому принципу единства биографии и творчества, всегда опираясь прежде всего на факты. А потому его очерки словно образуют цельное полотно предшествующей русской литературы. Полотно с живым пространством и временем. "Слово о полку Игореве", Ломоносов, Державин, Богданович, Дмитриев, Грибоедов, Пушкин (о нем написаны две книги), Вяземский, Дельвиг, Ростопчина, Гоголь, Тютчев, Толстой, Достоевский, Чехов. Эти вечные спутники были предметом постижения Ходасевича, к ним обращено его проникновенно-пристальное внимание.

О Льве Толстом написаны две статьи: "Уход Толстого" ("Возрождение", 20 ноября 1935-го) и "Казаки" (там же, 15 января 1939-го). Первая из них до сей поры не была опубликована в России. Размышляя над мотивами пред-

ляет людей так глубоко, так непоправимо, как идея. Идеальное расхождение превратило совместную жизнь Толстых в подлинную трагедию, ибо каждая сторона была по-своему права — и каждая перед другой стороной без вины виновата. Каждый из них мог быть только тем, чем был, — и это обоим причиняло страдания, почти непереносимые.

Трагедия осложнялась и углублялась тем, что та самая идея, которая непроходимой пропастью легла между Толстым и его женой, в то же время приковывала его к Софье Андреевне тяжелой цепью. Толстой не чувствовал себя вправе отказывать от намерения рано или поздно привести свою жену к тому, что он почитал истинной и спасением. И чем мучительней были возникавшие конфликты, чем больше страдания ему причиняло поведение Софьи Андреевны, порой злобное или оскорбительно-неблагообразное (этого нельзя отрицать), — тем повелительнее встала перед Толстым обязанность не покидать ее. Об этой обязанности он сам не раз говорит и в письмах, и в дневниках. О ней знали и ее признавали даже такие враги Софьи Андреевны, как Чертков. Наконец, на страдания, причиняемые ему Софьей Андреевной, Толстой смотрел, как на испытание, посланное ему свыше и полезное ему самому для нравственного совершенствования. Несомненно, что с этой точки зрения уход представлялся ему проявлением моральной слабости, а не силы.

му" отцу в Шамордино и рассказала про то, что происходило с Софьей Андреевной, Толстой переспросил:

— Так ты говоришь, что доктор не находит ее ненормальной?

— Нет, не находит.

— Да, впрочем, что они знают, — сказал он, махнув рукой.

Диагноз доктора вызвал в нем досаду. Он считал Софью Андреевну ненормальной и писал ей самой об этом: "Светую тебе примириться с тем, что случилось, устроиться в своем новом на время положении, а главное — лечиться".

Казалось бы, если она больна, то, не говоря уже о повышенных моральных требованиях, которые предъявлял Толстой к себе, — самая простая человеческая совесть должна была ему подсказать, что жену, с которой прожил сорок восемь лет, теперь он в особенности не вправе покинуть. Он же не только ее покидал, но и думал, что иначе поступить не вправе, и — с первого взгляда это может показаться совсем чудовищно — покидал именно вследствие ее болезни. "Я люблю тебя и жалею от всей души, — писал он ей, — но не могу поступить иначе, чем поступаю... И дело не в исполнении каких-нибудь моих желаний, требований, а только в твоей уравновешенности, спокойном, разумном отношении к жизни. А пока этого нет, для меня жизнь с тобой невыносима".

<...> Когда А. Л. Толстая рассказывает о чертах характера, которые то и дело проявлялись Софьей Андреев-

вправе сделать это". Не считая себя вправе — и потому что нравственный долг перед ней уступал место религиозному долгу перед самим собой. Толстому надо было либо ее вычлестить, исцелить, изгнать "беса", либо уйти, чтобы охранить себя от общения с бесом. Власть исцелять и изгонять бесов не была ему дана (хотя, быть может, и могла бы быть дана). Оставалось бежать, и он бежал — в таком страхе, в таком ужасе перед ней, перед общением с ней, что одними "неприятностями", которые она ему причиняла, этого страха не объяснить.

<...> Ксюнин говорит, что, когда Толстой "пришел к сестре (он и в Шамордино оставался в монастырской гостинице), они долго сидели вдвоем". Вышли только к обедне и пригласили в келью доктора и монахиню, которая была неотлучно около сестры Толстого.

— Сестра, я был в Оптиной, как там хорошо, — заметил Толстой. — С какой радостью я жил бы, исполняя самые низкие и трудные дела, но поставил бы условием не принуждать меня ходить в церковь.

— Это хорошо, — отвечала сестра, — но с тебя взяли бы условие ничего не проповедывать и не учить.

Лев Николаевич задумался, опустил голову и оставался в таком положении довольно долго, пока ему не напомнили, что обед кончен.

— Виделся ты со старцами? — возобновила разговор об Оптиной сестра.

— Нет... Разве ты думаешь,

ЛЕВ ТОЛСТОЙ НЕ БЫЛ ОТЛУЧЕН ОТ ЦЕРКВИ

До сих пор бытует расхожее мнение, будто Лев Толстой был отлучен от Церкви и предан анафеме. Однако известно, что на могиле писателя после его погребения было совершено отпевание, а позже служилась панихида по нему. И это естественно, потому что отлучения (анафемы) Л. Н. Толстого не было. Об этом, как сообщает РИА, заявил в Туле доктор богословских наук протоиерей Ростислав Лозинский в ходе декады "Яснополянская осень", приуроченной к 165-летию юбилею великого писателя. Он привел документ, где в ответ на письмо вдовы писателя митрополит Антоний (Вадковский) от лица Церкви сообщил ей, что Святейший Синод особым посланием оповестил православных, что Л. Н. Толстой отпал от Церкви и не состоит ее членом. Таким образом, было не отлучение, а публичная констатация, что Толстой добровольно отошел от Православной церкви.